

стерство В. Гюго коренится здѣсь въ переплетеніи преданія съ новизною, строгой правильности съ смѣлыми нарушеніями нормы. Александринскій стихъ, въ большинствѣ случаевъ, построенъ у него по общепринятому образцу, съ цезурой по срединѣ, безъ такъ-называемыхъ enjambements (т.-е. безъ разъединенія — между двумя половинами стиха или между двумя стихами — словъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ между собою). Тѣмъ ярче бросаются въ глаза исключенія, т.-е. стихи, въ чемъ-либо отступающіе отъ обычнаго шаблона. Иногда за существительнымъ, заканчивающимъ полу-стихъ, ставится неотдѣлимый отъ него эпитетъ, вслѣдствіе чего цезура переносится къ концу стиха („plein de la rêverie immense—de la lune“); иногда такимъ же образомъ сливаются въ одно цѣлое конецъ одного стиха и начало слѣдующаго („L'aurore apparaissait. Quelle aurore? Un abîme—d'éblouissement“); иногда пускаются въ ходъ оба приема вмѣстѣ („On entendait le bruit des décharges,—semblable—à des écroulements énormes“). Заключительный стихъ, плавный и звучный, часто подготавливается нѣсколькими стихами отрывочнаго, безпокойнаго ритма, или, наоборотъ, нѣсколько мѣрныхъ, медленно движущихся стиховъ внезапно обрываются на одномъ словѣ, именно вслѣдствіе того съ необычайной рельефностью выдвигающемся на первый планъ. Искуснымъ употребленіемъ словъ, оканчивающихся на нѣмое *e* (или на *es*), Гюго достигаетъ остановокъ, паузъ въ движеніи стиха, какъ нельзя болѣе эффектныхъ. Онъ умѣетъ воспроизводить впечатлѣніе звуковъ, не прибѣгая къ прямому, банальному звукоподражанію. Если въ рукахъ Гюго до такой степени эластиченъ и послушенъ александринскій стихъ, то еще безграничнѣе его власть надъ остальными размѣрами, въ выборѣ которыхъ, въ замѣнѣ одного другимъ онъ совершенно свободенъ. Что касается до рѣимы, то она также состоитъ въ полномъ распоряженіи поэта. Она богата, когда нужно поразить фантазію или плѣнить ухо; она скромна и проста, когда центръ тяжести лежитъ въ выраженіи чувства или идеи.

„Я старался говорить о Гюго,—этими словами заканчивается этюдъ Фагэ,—какъ будутъ говорить о немъ наши потомки: безъ неблагодарности и безъ идолопоклонства. Новыя литературныя поколѣнія отдаляются отъ Гюго—и въ этомъ они правы, потому что ему не слѣдуетъ подражать; но они идутъ дальше, они имъ пренебрегаютъ—и это пренебреженіе просто смѣшно. Оно пройдетъ, какъ прошло для Шатобріана и для Ламартина. Ручательствомъ долговѣчности служить красота формы, а ею В. Гюго обладаетъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ его великіе предшествен-